

Алиса
Скаут

Грани
твоей власти

18+

Алиса Скаут

Грани твоей власти

«Автор»

2026

Скаут А.

Грани твоей власти / А. Скаут — «Автор», 2026

Анна Соболева — идеальный личный помощник миллиардера Даниила Шторма: пунктуальная, незаметная, преданная. Год она хранит тайную влюбленность в своего неприступного босса, пока одна командировка не стирает границы между ними. Но после первой ночи Даниил ставит условие: продолжение возможно, только если Анна примет его истинную природу. Он — доминант, и его мир — это БДСМ. Сможет ли скромная секретарша стать той, кто разделит с ним не только постель, но и темные уголки его желаний?

© Скаут А., 2026

© Автор, 2026

Алиса Скаут

Грани твоей власти

Глава 1. Идеальный механизм

Будильник зазвонил в шесть утра, но Анна открыла глаза за три минуты до его мерзкой трели — как всегда. Организм давно привык просыпаться раньше любого сигнала. Она потянулась к телефону, отключая будильник до того, как он успел разбудить соседей за тонкой стеной съемной «однушки» в Бутово. За окном — серое октябрьское небо, морозящий дождь, цепочка фонарей вдоль пустой дороги. Обычный понедельник. Только внутри — привычное, уже почти родное волнение, которое возникало каждое утро, стоило ей подумать о работе.

О работе — или всё-таки о нём?

Анна отбросила одеяло и села на кровати. Мысленный чек-лист: душ, макияж, прическа, кофе, просмотр новостей бизнес-повестки за сорок минут. Времени на тоску по несбыточному не предусмотрено.

Она встала перед зеркалом — высоким, но с трещиной в углу, доставшимся от прошлых жильцов. Из отражения смотрела девушка двадцати семи лет: светлые волосы до плеч, серые глаза, правильные черты лица, которые можно было бы назвать красивыми, если бы она чаще улыбалась. Но улыбка — редкий гость. Работа личного помощника одного из самых беспощадных бизнесменов страны не располагала к легкомысленности.

Завтрак — черный кофе без сахара. Анна стояла у окна, вглядываясь в утреннюю хмарь, и прокручивала в голове расписание шефа на сегодня. В восемь — планерка с топ-менеджментом. В десять — видеозвонок с токийским офисом. В двенадцать — интервью для «Коммерсанта» (она уже трижды проверила, чтобы журналист не опоздал и не задавал неудобных вопросов). В два — ланч с представителем Минэкономразвития. В четыре — подписание контракта по проекту «Арктика». В шесть — благотворительный ужин, на который ей, разумеется, нужно подготовить тезисы для спонтанной речи.

Она знала его график наизусть. Знала его привычки, его предпочтения в кофе (черный, без всего, температура ровно 65 градусов), его аллергию на орхидеи и глупых людей, его манеру хмуриться перед тем, как принять сложное решение. Знала, что он ненавидит пробки и решает проблемы быстрее, чем кто-либо в этом городе. Знала, что от его голоса у неё внутри что-то сжимается и разжимается одновременно.

«Прекрати», — приказала она сама себе и отставила пустую чашку в раковину.

Офис «Storm Industries» занимал три верхних этажа башни «Федерация» в Москва-Сити. Когда Анна вышла из скоростного лифта на шестьдесят четвертый этаж, было ровно семь тридцать. Охрана знала её в лицо: сухошавая фигурка в сером брючном костюме, с неизменным планшетом в руке и стаканом кофе на вынос. Она проходила через турникет первой из сотрудников, за исключением ночной смены безопасности.

Приемная главного офиса тонула в мягком золотистом свете. Анна включила компьютер, загрузила почтовый клиент — за ночь на корпоративный ящик упало сорок три письма. Ничего критичного: несколько подтверждений встреч, отчет от юридического отдела, поздравление с днем рождения от фитнес-клуба (она вздрогнула — неужели сегодня? нет, они перепутали дату на месяц). Пока система синхронизировалась, она прошла в кабинет шефа.

Кабинет Шторма был отдельным государством. Панорамные окна открывали вид на всю Москву: город лежал у ног, окутанный утренним туманом. Мебель из темного дерева, минимум

декора, на стенах — только абстрактные полотна, которые, по слухам, стоили дороже, чем её годовая зарплата. Анна проверила, чтобы на столе не было пыли, чтобы в графине была свежая вода, чтобы кресло стояло ровно под нужным углом. Всё идеально. Всё так, как он любит. Она не позволяла себе даже мысленно назвать его по имени — Даниил. Только «господин Шторм» или «шеф». Так было безопаснее.

В семь пятьдесят прибыли остальные помощники и начальники отделов. Анна заняла свой пост за стойкой в приемной, готовая к началу дня. Сердце уже привычно колотилось чуть быстрее положенного, но она научилась дышать так, чтобы никто не заметил.

Ровно в восемь ноль-ноль двери лифта открылись, и в коридор шагнул он.

Даниил Шторм был выше любого ожидания. Высокий, широкоплечий, одетый в безупречный темно-синий костюм, сшитый явно на заказ — как и всё, что его окружало. Черные волосы уложены с небрежной точностью, которая наверняка стоила немалых усилий стилисту. Лицо — жесткое, с острыми скулами и твердой линией рта. Глаза — цвета стали, которые, казалось, просвечивали собеседника насквозь. Ему было тридцать пять, но он выглядел старше — за счет властности, пропитавшей каждое его движение.

Анна встала, приветствуя его, как делала каждое утро:

— Доброе утро, господин Шторм.

Он даже не взглянул на неё, проходя мимо:

— Кофе. И сводку по азиатскому проекту мне на стол через пять минут.

— Уже готово, — Анна двинулась следом, держа в руках папку, которую подготовила накануне вечером.

Он бросил короткий взгляд на папку, потом на неё. Задержался на полсекунды дольше обычного. Анна заставила себя не отвести глаза.

— Хорошо, — бросил он и скрылся за дверью кабинета.

Анна выдохнула. Этот короткий взгляд стоил ей большего самообладания, чем часовая презентация перед советом директоров. Всё внутри звенело от напряжения — того самого, что не имело ничего общего с работой.

Она отправилась готовить кофе. Ровно шестьдесят пять градусов.

Утренняя планерка прошла без сучка и задоринки. Анна записывала поручения и тезисы, сидя в углу переговорной, незаметная и эффективная. Она наблюдала за ним в такие моменты украдкой, позволяя себе маленькую слабость. Как он слушает, слегка наклонив голову. Как его пальцы постукивают по столу — раз, два, три — прежде чем он выносит вердикт. Как он умеет одной фразой раздавить самоуверенного начальника отдела. И как редко, почти никогда, не улыбается.

Ей хотелось знать, улыбается ли он вообще. И кому.

К обеду ритм чуть замедлился. Даниил уехал на ланч с чиновником, оставив Анне паузу на час. Она закрылась в комнате отдыха для персонала — крохотном помещении с кухонным уголком и автоматом с сэндвичами. Достала ланч-бокс: курица с гречкой, которую она приготовила вчера. Ничего лишнего.

В комнату впорхнула Кира — рыжеволосая, яркая, полная противоположность самой Анне. Кира работала в PR-отделе этажом ниже и питала слабость к сплетням и громким вечеринкам.

— Жуешь свою диетическую тоску? — Кира плюхнулась на стул напротив, цокая каблучками. — Слушай, в пятницу у Пашки из маркетинга день рождения. Снимает лофт на Флаконе. Будет куча народу, диджей, шампанское рекой. Ты обязана пойти.

Анна покачала головой, аккуратно отрезая кусочек курицы.

— У меня работа. Шефу нужно готовить документы к женеvской встрече, плюс благотворительный ужин в четверг. Не до вечеринок.

— Да брось! Ты и так живешь по его расписанию. Что, нельзя один вечер выдохнуть? Там будут симпатичные парни, между прочим. Не всем же чахнуть по неприступному боссу.

Анна замерла с вилокй в воздухе.

— Я не чахну.

— Ну-ну. А почему тогда каждый раз, когда он просто моргнет в твою сторону, ты краснеешь, как школьница?

— Кира, прекрати. Это непрофессионально.

— Непрофессионально — это зарывать свою личную жизнь ради мужчины, который тебя даже не замечает. Ань, посмотри правде в глаза. Ты его секретарша, а не Золушка.

Анна промолчала. Кира была права — в той части, которая касалась очевидного. Но она не знала, насколько глубоко проникла эта одержимость. Анна давно приняла это чувство, как принимают хроническую болезнь. Оно не проходило. Не ослабевало. И, что хуже всего, она не хотела лечиться.

— Я подумаю, — солгала она, чтобы закончить разговор.

— Вот и подумай. А то так и состаришься с папкой в обнимку.

Кира упорхнула, оставив после себя шлейф сладких духов. Анна доела в тишине, чувствуя, как грудь сдавило знакомой тоской.

Во второй половине дня Даниил вернулся мрачнее обычного. Что-то пошло не так на ланче — она поняла это по тому, как резко он захлопнул дверь кабинета и как коротко бросил в селектор: «Ни с кем не соединять». Анна знала этот тон. Гроза надвигалась.

Она старалась двигаться бесшумно, принесла в кабинет новый графин с водой, положила на подпись документы боком, чтобы он мог подписать, не отрываясь от телефона. Когда она потянулась забрать папку, его пальцы случайно накрыли её запястье.

Это длилось долю секунды, но Анна почувствовала ожог. Его кожа — сухая и горячая. Прикосновение — как удар током. Она замерла, боясь пошевелиться. Даниил поднял глаза от бумаг, и они встретились взглядами.

В его стальных глазах мелькнуло что-то незнакомое. Не раздражение. Не профессиональный интерес. Что-то глубже, темнее — мгновенное и тут же спрятанное. Он убрал руку.

— Вы свободны, Анна.

— Да, господин Шторм.

Она вышла из кабинета на ватных ногах. Прижалась спиной к стене в коридоре и прикрыла глаза. Сердце колотилось как бешеное. Господи, если бы он только знал, что делает с ней одним прикосновением. Или, может быть, знал?

Нет. Ей показалось.

Конец рабочего дня наступил официально в шесть, но Анна задержалась, как обычно. Она систематизировала документы, отвечала на несрочные письма, чистила календарь на завтра. Почти все сотрудники разошлись, этаж опустел. Она надеялась, что шеф уедет, не заметив её, и она сможет спокойно доделать дела. Но в семь пятьдесят дверь его кабинета открылась, и Даниил вышел — уже без пиджака, с закатанными рукавами рубашки, что делало его немного более... человечным.

— Вы еще здесь? — спросил он, заметив её за стойкой.

— Заканчиваю с контрагентами по проекту «Арктика». Юристы попросили уточнить несколько пунктов.

— Это подождет до завтра.

Она кивнула, откладывая папку. Уже собиралась встать и попрощаться, когда его голос остановил её:

— Анна, задержитесь.

Она внутренне напряглась. Даниил подошел ближе, остановился в шаге от неё. Запах его парфюма — что-то с древесными нотами и едва уловимой пряностью — заполнил пространство.

— В четверг мы летим в Женеву, — сказал он. — Переговоры запланированы на три дня. Вы понадобится мне на месте. Подготовьте документы по швейцарскому контракту и согласуйте с юридическим отделом.

У Анны перехватило дыхание. Она сопровождала его в поездках и раньше — но всегда в команде с другими сотрудниками. Это был первый раз, когда он вызывал её одну, на три дня, в Европу.

— Да, конечно. Я всё подготовлю. Количество участников с нашей стороны?

— Только я. И вы.

Только я и вы.

Слова повисли в воздухе, нагруженные смыслом, который Анна боялась расшифровать. Должно быть, ей просто показалось. Шторм всегда был прямолинеен. Это всего лишь командировка. Деловая.

— Будет исполнено, господин Шторм, — спокойно ответила она, хотя внутри всё дрожало.

— Хорошо. Билеты пришлют вам на почту. Вылет в восемь утра.

Он развернулся и ушел, не попрощавшись. Она смотрела ему вслед, пока двери лифта не закрылись, поглотив его фигуру.

И только тогда позволила себе выдохнуть.

В метро по пути домой Анна держалась за поручень и бессмысленно смотрела в темное окно вагона. Женева. Три дня. Только он и она. В голове крутились мысли, одна противоречивее другой: «Не надейся. Это просто работа. Ничего не изменится. Ты нужна ему как функция, а не как женщина». Но колени всё равно слабели. И запястье всё еще помнило жар его пальцев.

Дома она первым делом включила ноутбук, проверила почту. Письмо с билетами уже было. Место в бизнес-классе, рядом с ним. Шторм всегда покупал билеты так, чтобы его помощники сидели поблизости. Ничего личного. Она не должна искать скрытые знаки.

Она закрыла почту и уставилась на рабочий стол, заваленный бумагами. Где-то в ящике лежала её старая записная книжка с наивными девичьими стихами. Анна давно не позволяла себе такой роскоши, как чувства, изложенные на бумаге. Но сегодня, поддавшись порыву, она достала чистый лист и написала всего одну строчку:

«Если бы ты знал, как я тебя люблю».

Затем скомкала его и бросила в измельчитель. Нет, эти мысли не должны существовать. Она — идеальный механизм, а у механизмов не бывает сердца.

Завтра снова в офис. Послезавтра — самолет. А дальше — неизвестность, которая пугала и манила одновременно.

Глава 2. Женевский маршрут

Утро четверга началось затемно.

Анна стояла перед открытым чемоданом и в двадцатый раз перебирала вещи: строгий брючный костюм на случай официальной встречи, темно-синее платье-футляр, две блузки, бежевый тренч, туфли-лодочки на низком каблуке. И маленькое черное платье, которое она,

поколебавшись, всё-таки сунула на дно — «на всякий случай». Какой случай может представиться в деловой поездке с Даниилом Штормом, она не знала, но интуиция шептала: «Возьми».

Телефон пикинул: уведомление от водителя. Черный «Мерседес» уже ждал у подъезда. Анна застегнула чемодан, поправила волосы перед зеркалом и вышла в холодное московское утро. Сердце колотилось где-то в горле, но она заставила себя дышать ровно.

Это просто работа. Просто три дня. Просто Женева.

В аэропорту Внуково-3 — терминал деловой авиации — пахло кофе, кожей и дорогим парфюмом. Анна прошла ускоренный досмотр и оказалась в зале ожидания, где уже стоял Даниил. Он разговаривал по телефону — резко, отрывисто, судя по всему, с кем-то из юристов. Заметив её, он коротко кивнул и продолжил разговор. Анна остановилась в нескольких шагах.

Сегодня он был в темно-сером костюме, безупречно сидящем по фигуре, и черном пальто, перекинутом через руку. Ни тени усталости на лице, хотя она знала, что вчера у него был благотворительный ужин, закончившийся за полночь. Даниил Шторм никогда не выглядел уставшим. Казалось, он вообще не подчинялся законам физиологии, которым подчиняются обычные люди.

Закончив разговор, он убрал телефон и повернулся к ней:

— Доброе утро. Вы готовы?

— Полностью, господин Шторм. Документы по контракту у меня, юридический отдел согласовал финальную версию.

— Хорошо. Вылет через двадцать минут.

Он пошел к выходу на взлетную полосу, Анна последовала за ним.

Частный самолет «Storm Industries» — «Bombardier Global 7500» — стоял на сером бетоне, поблескивая в утреннем свете. Белоснежный фюзеляж с фирменной эмблемой компании на хвосте: серебряная молния, рассекающая круг. Бортпроводница приветливо улыбнулась, принимая у Анны пальто.

Салон был отделан в бежево-кремовых тонах: кожаные кресла, диван, стол для переговоров, мини-бар с прохладительными напитками. Анна бывала здесь несколько раз, но всегда в составе делегации. Сегодня, кроме них двоих, пассажиров не было. Пространство казалось одновременно роскошным и интимным.

Даниил занял кресло у окна и сразу открыл ноутбук. Анна села напротив, через проход, чтобы не мешать, но быть рядом, если понадобится. Она достала планшет, пробежалась по заметкам к переговорам. Бортпроводница предложила шампанское — Анна вежливо отказалась, попросив воду. Даниил вообще ничего не заказал.

Самолет мягко оторвался от земли, разрезая низкие облака. Москва осталась внизу — серые кварталы, ленты дорог, золотой купол где-то вдалеке. Через несколько минут в иллюминаторах уже сияло солнце — там, на высоте десяти тысяч метров, всегда было солнце.

Анна украдкой смотрела на Шторма. Он работал: пальцы быстро бегали по клавиатуре, на скулах играли желваки — значит, что-то в отчете его не устраивало. Она изучила его профиль до мельчайших деталей за этот год: прямой нос, твердый подбородок, небольшая горбинка, которую можно было заметить только в определенном ракурсе. На виске — едва заметный шрам, происхождение которого она так и не узнала. Он никогда не говорил о себе. Никогда.

Любая мелочь о нем была для Анны драгоценностью. Она хранила эти осколки знания — как сорока, таскающая блестящие безделушки в гнездо. Он не любит рыбу. Предпочитает минеральную воду «San Pellegrino». Читает прессу с бумаги, а не с экрана. Никогда не носит часы — утверждает, что чувствует время интуитивно. И никогда, ни разу за год, не приводил в офис женщину.

От осознания последнего факта по спине пробежало тепло.

— Анна.

Она вздрогнула. Даниил смотрел прямо на неё, и в его стальных глазах плясали искорки — то ли насмешливые, то ли изучающие.

— Вы смотрели на меня последние три минуты, — констатировал он. — Я что-то испачкал?

Краска залила щеки, шею, ключицы. Анна прокляла свою бледную кожу, которая выдавала её с головой.

— Простите, господин Шторм. Задумалась.

— О чем же?

Это был странный вопрос. Он никогда не спрашивал её о личном. Никогда. Обычно разговор ограничивался рабочими темами. Анна запнулась, подбирая безопасный ответ.

— О переговорах. Думаю, как лучше структурировать презентацию по швейцарскому контракту.

Он чуть прищурился — и Анна поняла, что он не поверил. Но, к её облегчению, не стал пытаться.

— Презентацию оставьте. Я буду говорить с ними напрямую, без слайдов. Мне нужно, чтобы вы фиксировали их реакцию. Кто колеблется, кто задает вопросы, кто переглядывается. Мелочи. В них всё.

— Хорошо. Я запомню.

— Я знаю, что вы запомните. У вас отличная память на детали.

Это был комплимент — сухой, деловой, но всё же комплимент. Анна почувствовала, как внутри разливается глупое, неуместное счастье. Она сдержала улыбку, оставив её где-то под сердцем.

Остаток полета прошел в тишине. Даниил просматривал документы, Анна делала пометки. Иногда их руки почти соприкасались, когда она передавала ему бумаги. Каждый раз её кожа покрывалась мурашками, но она заставляла себя не реагировать. Никаких эмоций. Она — профессионал.

В Женеву прилетели в полдень. Небо над городом было пронзительно-голубым, с редкими перьями облаков. Воздух — кристально чистый, совсем не такой, как в Москве. Водитель на черном «Майбахе» встретил их у трапа и повез в центр, к набережной Монблан.

Отель «Президент Вильсон» возвышался над Женевским озером — величественный, белоснежный, с панорамными окнами, в которых отражались горы на горизонте. Анна вышла из машины и на мгновение замерла, разглядывая пейзаж. Вода в озере была такого неестественно-бирюзового цвета, что казалась нарисованной.

— Вам нравится? — спросил Даниил, поравнявшись с ней.

— Здесь очень красиво.

— Подождите, увидите закат. Озеро становится золотым.

Он сказал это будничным тоном, но Анна снова ощутила тот странный диссонанс. «Подождите, увидите закат» — это звучало почти как приглашение. Почти как обещание. Но, конечно, она опять придумывала.

В лобби отеля их встретил консьерж — предупредительный, улыбчивый, говорящий по-английски с мягким французским акцентом.

— Господин Шторм, добро пожаловать. Мы подготовили для вас президентский люкс, как вы запрашивали.

Даниил кивнул. Анна стояла чуть позади, ожидая, когда консьерж вручит ключи от её номера. Но тот почему-то медлил, нервно постукивая по клавиатуре. Между бровей у него залегла складка.

— Э-э... Господин Шторм, боюсь, произошла небольшая накладка.

— Какая именно? — голос Даниила стал холодным. Анна знала этот тон: он предвещал неприятности для того, кто их создал.

— Мы получили вашу заявку поздно ночью, и из-за технического сбоя система не подтвердила бронирование второго номера. Сейчас в отеле проходит международный форум по кибербезопасности, все стандартные номера забронированы. Единственное, что мы можем предложить, — это дополнительная спальня в президентском люксе. Дело в том, что люкс двухуровневый и содержит две изолированные спальни с общей гостиной зоной...

Консьерж говорил еще что-то — про компенсацию, про комплиментарное шампанское, про спа-процедуры за счет отеля, но Анна уже не слушала. Две спальни. Общая гостиная. Они будут жить в одном люксе. Три дня.

Сердце сделало кульбит.

Даниил повернулся к ней. Его лицо было бесстрастным, как всегда.

— Вас это не стеснит? Комнаты изолированы, у каждой свой санузел. Вам не придется пересекаться со мной, кроме как по работе.

«Кроме как по работе». Анна сглотнула. Конечно. Работа. Только работа.

— Нет, господин Шторм. Меня это не стеснит. Если вас устраивает такой вариант.

— Вполне.

Он снова повернулся к консьержу, который заметно побледнел за эти секунды:

— Мы займем люкс. Но я ожидаю, что отель компенсирует неудобства в полном объеме.

И чтобы в следующий раз система не давала сбоев. Утром я хочу видеть менеджера.

— Да, конечно, месье. Спасибо за понимание. Багаж доставят немедленно.

Президентский люкс располагался на верхнем этаже и занимал, кажется, целое крыло. Анна вошла следом за Даниилом и замерла, не в силах скрыть впечатление.

Гостиная была размером с хорошую квартиру: белые кожаные диваны, стеклянные столики, абстрактные скульптуры у стен. Огромные панорамные окна выходили прямо на озеро. За ними, в хрустальной дымке, высились заснеженные вершины Альп. Стеклянная дверь вела на просторную террасу с диванами и джакузи.

— Ваша спальня справа, — указал Даниил, не останавливаясь. — Моя слева. Через час выезжаем на переговоры. Будьте готовы.

— Да, господин Шторм.

Он скрылся в своей спальне — высокая фигура, обтянутая дорогим сукном, — и закрыл дверь. Анна осталась в гостиной одна. Она медленно подошла к окну и прижалась ладонями к холодному стеклу.

Она будет жить в одном люксе с Даниилом Штормом. Есть с ним завтрак. Видеть его утром, еще до того, как он наденет маску безжалостного бизнесмена. Слышать его шаги за стеной вечером. Знать, что он рядом — на расстоянии вытянутой руки.

Это было слишком. Слишком много и слишком близко.

Она прошла в свою спальню — светлую, с огромной кроватью, застеленной белоснежным бельем, с собственной ванной комнатой, отделанной мрамором. На туалетном столике — свежие цветы. На подушке — шоколад ручной работы в золотой фольге.

Анна села на край кровати и закрыла лицо руками.

«Возьми себя в руки. Ты профессионал. Ты не влюбленная школьница. Ты справишься».

Она повторила это десять раз. Потом встала, поправила макияж, собрала волосы в строгий пучок. Через час — переговоры. Её работа. Её щит.

Переговоры проходили в конференц-зале отеля. Швейцарская сторона — четверо мужчин в дорогих костюмах, с часами «Patek Philippe» на запястьях и сдержанными манерами. Обсуждалась поставка швейцарского оборудования для нового завода «Storm Industries» в Новосибирске. Сумма контракта исчислялась десятками миллионов евро.

Анна сидела слева от Даниила и фиксировала всё, как он велел: кто сомневается, кто отводит глаза, кто задает уточняющие вопросы. Главный переговорщик швейцарцев, господин Мейер, явно нервничал, хоть и пытался это скрыть. Его заместитель, напротив, был расслаблен — Анна мысленно отметила: «Колеблющийся Мейер, уверенный зам. Давить на Мейера».

Она скользнула записку Даниилу, стараясь не привлекать внимания. Он опустил взгляд, прочитал, и уголок его рта чуть дрогнул — почти улыбка. Почти. Он снова поднял глаза на швейцарцев, и переговоры пошли по новому руслу: он направил удар на Мейера, обходя его зама, и тот сдался уже через час.

Когда они вышли из конференц-зала, Даниил сказал ей негромко, почти на ухо:

— Хорошая работа, Анна. Очень хорошая.

Его дыхание коснулось её виска. Она почувствовала запах его парфюма — тот самый, с пряностью и древесными нотами. Ноги стали ватными, но она удержалась на каблуках.

— Спасибо, господин Шторм.

— Сегодня вечером мы свободны. Завтра — второй раунд, но это уже формальность. В семь я жду вас в ресторане отеля. Нам нужно обсудить стратегию на завтра и дальнейшие шаги.

— Конечно.

Он кивнул и ушел к лифтам, оставив её в холле с папкой документов и бешено колотящимся сердцем.

Ужин. В ресторане. Вдвоем. Обсудить стратегию. Конечно, только стратегию.

В шесть Анна стояла перед зеркалом в своей спальне и смотрела на два разложенных на кровати платья. Строгое темно-синее — то самое, «рабочее». И маленькое черное, которое она всё-таки взяла «на всякий случай».

«Это просто деловой ужин. Надень рабочее».

Но рука потянулась к черному.

Оно сидело идеально: облегал талию, мягко струилось по бедрам и заканчивалось чуть выше колен. Скромно, но достаточно открыто, чтобы намекнуть: под этим платьем — женщина. Женщина с телом, желаниями и правом быть замеченной. Распустила волосы — долой строгий пучок. Легкий макияж, капля туалетной воды на запястья.

Она взглянула в зеркало и увидела незнакомку. Ту Анну, которую она прятала в офисе за серыми костюмами и вежливой улыбкой. Красивую, волнующуюся, полную надежды.

«Господи, что я делаю».

Она едва не переделалась обратно. Но стрелки часов подгоняли: без пяти семь. И она вышла в гостиную — как раз в тот момент, когда Даниил появился из своей спальни.

Он был без галстука. Верхняя пуговица белоснежной рубашки расстегнута. Серые брюки, черные туфли. Темные волосы чуть растрепаны. Он выглядел не как миллиардер на переговорах, а как мужчина, который решил провести вечер расслабленно.

Заметив её, он остановился. Замер буквально на секунду — но эта секунда длилась вечность. Его взгляд прошелся по ней от распущенных волос до туфель на каблуках и обратно. В стальных глазах что-то мелькнуло — что-то, от чего у Анны перехватило дыхание.

— Вы... изменили прическу, — произнес он ровным голосом, но в нем Анна уловила нотку, которой раньше не слышала.

— Решила, что для ужина это уместно, — ответила она, гордясь тем, что голос не дрогнул.

— Уместно, — повторил он. Пауза. — Что ж, идемте. Столик уже ждет.

Ресторан «Bayview» располагался на первом этаже отеля и славился своей средиземноморской кухней и террасой с видом на озеро. Шеф-повар, как выяснилось, имел мишленовскую звезду. Официанты двигались бесшумно, свечи мерцали в хрустальных подсвечниках, и где-то играл живой рояль — что-то нежное, из Дебюсси.

Их столик стоял в углу террасы, отгороженный живой изгородью от остальных посетителей. Слишком уединенный для «просто делового ужина». Закатное солнце красило озеро в расплавленное золото, и горы на горизонте казались нарисованными фиолетовыми чернилами.

— Здесь потрясающе, — прошептала Анна, забывшись.

— Да, — ответил Шторм, но смотрел он не на озеро. Смотрел на неё.

Официант принес меню и винную карту. Даниил заказал белое бургундское, даже не взглянув на список. Анна заметила, что он вообще ничего не смотрел — его взгляд был прикован к ней.

— Я взял на себя смелость заказать дегустационное меню, — сказал он, когда официант ушел. — Шеф-повар — старый знакомый. Он знает мои предпочтения.

— У вас здесь много знакомых?

— Достаточно. Я часто бывал в Женеве в начале карьеры. Швейцария — удобная юрисдикция для международных контрактов. Но я не хочу говорить о работе.

Анна моргнула. Даниил Шторм, который не хотел говорить о работе? Это было нечто новое. Это было почти... личное.

— О чем же вы хотите говорить? — спросила она осторожно.

Он взял бокал, который только что наполнили вином, и повертел его в пальцах, глядя на игру света в золотистой жидкости.

— О вас, Анна.

Её сердце пропустило удар.

— Обо мне? Но там нечего рассказывать.

— Неправда. Вы работаете со мной год. Вы знаете мой график лучше, чем я сам. Вы знаете, какой кофе я пью, какие документы мне нужны до того, как я их попрошу, и какое у меня настроение, когда я захожу в офис. А я о вас не знаю почти ничего.

— Это не входит в должностную инструкцию, — пошутила она, надеясь разрядить напряжение.

Он не улыбнулся.

— Я хочу знать. Почему у такой девушки нет парня, Анна?

Вопрос ударил под дых. Она отпила вина, чтобы выиграть время. Как ответить? «Потому что я влюблена в вас и никто другой мне не нужен» — так, что ли?

— Работа отнимает много времени, — сказала она нейтрально. — График ненормированный. Не каждый мужчина готов с этим мириться.

— И вы готовы жертвовать личной жизнью ради работы?

— Мне нравится моя работа.

— Это не ответ.

Он наклонился чуть вперед, и свечи отразились в его зрачках — два маленьких золотых огонька в серой стали. Анна чувствовала, как под этим взглядом тают все её защитные барьеры.

— Я не встретила подходящего человека, — сказала она тихо. — Вот и всё.

— И как должен выглядеть подходящий человек?

«Как ты. Только ты. Всегда ты».

— Заботливым, — произнесла она вслух. — Умным. Чтобы с ним было... спокойно.

— Спокойно, — повторил он, и что-то в его голосе изменилось. — А как насчет страсти, Анна? Разве вам не хочется, чтобы было не только спокойно?

Температура между ними поднялась на несколько градусов. Или ей казалось? Анна облизнула пересохшие губы.

— Страсть... может пугать.

— Почему?

— Потому что она отнимает контроль. А я... предпочитаю контролировать свою жизнь.

Он откинулся на спинку стула и посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом.

— А что, если я скажу вам, что потеря контроля — это иногда самое прекрасное, что может случиться с человеком?

В этом вопросе было что-то большее, чем праздное любопытство. Что-то глубокое и темное. Анна почувствовала это — как чувствуют подземный толчок за секунду до землетрясения.

— Я бы спросила, откуда вы знаете, — ответила она.

— Знаю, — коротко бросил он. — По опыту.

Они замолчали. Официант принес закуски — что-то воздушное, с муссом из лосося и трюфельным маслом. Анна ела, не чувствуя вкуса. Её мысли крутились вокруг последних слов Даниила. «Потеря контроля — самое прекрасное, что может случиться». Что он имел в виду? И почему его голос звучал так, будто он делится с ней опасным секретом?

— Можно вопрос, господин Шторм?

— Даниил, — поправил он. — Сегодня не в офисе. Зовите меня по имени.

— Даниил, — повторила она, и собственный голос показался ей чужим. — Почему вы вдруг... интересуетесь мной?

— Вдруг? — он усмехнулся, но в усмешке не было веселья. — Анна, это не вдруг. Я наблюдаю за вами год. И должен признать, что вы — единственный человек, который не пытается от меня что-то получить. Единственный, кто делает свою работу молча, качественно и не лезет в мою жизнь. И при этом...

Он не закончил. Анна ждала, затаив дыхание.

— И при этом что?

— И при этом я заметил, что вы смотрите на меня. Иначе, чем другие.

Вот оно. Сказано. Высказано. Анна почувствовала, как кровь отливает от лица и одновременно приливает к щекам. Он заметил. Весь этот год — все её украденные взгляды, осторожные касания, предательский румянец — он всё видел.

— Я не... я не хотела... — начала она, но он прервал её, подняв ладонь.

— Не извиняйтесь. Я говорю это не для того, чтобы смутить вас. Я говорю это потому, что сегодня — необычный вечер. Мы не в офисе. Мы в Женеве, в одном из лучших ресторанов мира, и я не хочу притворяться, что вы для меня — просто сотрудница.

Земля ушла у неё из-под ног.

— А кто я для вас? — прошептала она.

Даниил помолчал. Его пальцы медленно вращали ножку бокала. Когда он заговорил, голос был низким и глубоким:

— Загадка. Я не привык испытывать... симпатию. Я не привык отвлекаться на людей. Но вы отвлекаете меня, Анна. Уже год.

Симпатия. Он сказал «симпатия». Это не было признанием в любви, но для человека, который никогда не говорил о чувствах, это было равносильно землетрясению. Анна не знала, что ответить. Комок стоял в горле, и любые слова казались неуклюжими.

— Я не знаю, что сказать, — честно призналась она.

— Пока ничего. Просто... будьте собой. Той Анной, которая распустила сегодня волосы. Мне нравится эта Анна.

Остаток ужина прошел как в тумане. Они говорили о Женеве, об искусстве, о музыке. Даниил оказался неожиданно эрудированным: он знал историю каждого здания на набережной, цитировал Вольтера и признался, что в студенчестве играл на виолончели. Анна слушала, замороженная. Она видела перед собой не холодного магната, а живого человека с увлечениями, мыслями, чувствами.

Когда принесли десерт, стемнело. Озеро стало черным, на набережной зажглись огни, отражаясь в воде бриллиантовой россыпью. Анна смотрела на Даниила и думала, что этот вечер — лучший в её жизни, даже если завтра всё вернется на круги своя.

— Спасибо за вечер, — сказала она искренне. — Я... давно так не ужинала.

— Это был просто ужин, Анна.

Она покачала головой:

— Нет. Это было больше.

Он ничего не ответил, но его взгляд стал теплее. Почти ласковым.

Они поднялись в люкс. Гостиная встретила их приглушенным светом ночников и тишиной. Где-то внизу, за окнами, перемигивались огни Женевы. Анна стояла посреди комнаты, не зная, как попрощаться. Сказать «спокойной ночи»? Уйти в свою спальню? После того, что было сказано в ресторане, это казалось невозможным.

— Хотите выйти на террасу? — спросил Даниил. — Ночь теплая. И вид стоит того.

Это была та самая терраса, которую она видела днем. Сейчас она была залита мягким янтарным светом, с диванами, укрытыми пледами, и стеклянным ограждением, за которым открывалась бездна ночного неба и озера.

Даниил снял пиджак и остался в одной рубашке. Он подошел к самому краю террасы и оперся на перила. Анна встала рядом, на расстоянии вытянутой руки, и устремила взгляд на далекие альпийские вершины, белеющие под лунным светом. Ветер донес запах воды, свежесть, его парфюм. Молчание между ними было наполненным, тяжелым, как воздух перед грозой.

— Холодно? — спросил он, не поворачиваясь.

— Нет, — солгала Анна, потому что дрожала она вовсе не от холода.

— Вы дрожите, — заметил он и повернулся к ней.

Теперь они стояли лицом к лицу. Свет от гостиной падал на его лицо, вычерчивая острые скулы. Глаза казались совсем темными, почти черными, и в них горело что-то, от чего у Анны подогнулись колени.

— Я дрожу не от холода, — прошептала она, прежде чем успела остановить себя.

Он шагнул ближе. Еще ближе. Его пальцы коснулись её подбородка — осторожно, почти невесомо, но от этого прикосновения по телу Анны разлился жидкий огонь.

— А от чего? — спросил он. Голос низкий, обволакивающий.

— От вас.

Это слово прозвучало как выстрел. Как спущенный курок.

Даниил наклонился медленно — давая ей возможность отстраниться, давая ей шанс передумать. Но Анна не отстранилась. Она замерла, запрокинув голову, и когда его губы накрыли её, мир перестал существовать.

Поцелуй был не просто жадным — он был властным, требовательным, собственническим. Его пальцы переместились с подбородка на затылок, зарываясь в волосы, фиксируя её голову в нужном ему положении. Другая рука легла на талию, притягивая ближе — до хруста, до невозможности. Анна чувствовала твердость его груди, жар его тела сквозь тонкую ткань рубашки, биение его сердца — или это её собственное колотилось так громко?

Его губы скользнули на её шею, и она выдохнула его имя — или ей показалось, что выдохнула. Мысли разбежались, остались только ощущения: горячее дыхание на коже, сильные руки, сжимающие её так, будто она могла исчезнуть, раствориться в этой ночи.

Его ладонь скользнула по бедру, приподнимая подол черного платья, касаясь обнаженной кожи. Анна вздрогнула, но не от холода — от остроты ощущения. Её тело реагировало на него как на электрический разряд: каждое прикосновение било током, каждый поцелуй обжигал.

Она потянулась к его рубашке, пальцы нащупали пуговицы, но в этот момент он вдруг остановился. Замер. Отстранился — резко, словно его ударили.

Анна пошатнулась, лишившись опоры. Он стоял в полушаге от неё, тяжело дыша, и его лицо было искажено внутренней борьбой.

— Ты не знаешь, во что ввязываешься, — произнес он глухо.

— Даниил...

— Нет. Послушай меня. — Он поднял руку, останавливая её. — Я не тот мужчина, которого ты себе представляешь. Я не могу дать тебе... обычных отношений. Простых. Нежных. Я другой, Анна. Я не хочу, чтобы ты потом жалела.

Она смотрела на него и не понимала. Только что он целовал её так, будто она принадлежит ему. А теперь отталкивал. «Что ты скрываешь? Что значит — другой?»

Но спросить она не успела. Даниил уже взял себя в руки, и его лицо снова стало непроницаемым.

— Иди спать, Анна. Завтра тяжелый день.

— Даниил...

— Спокойной ночи.

Он развернулся и ушел в свою спальню. Дверь закрылась. Анна осталась на террасе одна, под звездами чужого города, с дрожащими губами и разбитым сердцем. Внизу мерцало Женевское озеро — равнодушное, прекрасное. В воздухе всё еще витал запах его парфюма.

Она прижала пальцы к губам. Они горели.

За стеной послышался звук воды — он принимал душ. Анна представила его там: обнаженного, под струями воды, с напряженными мышцами и тяжелыми мыслями. Представила — и поняла, что не сможет уснуть. Не после этого поцелуя. Не после слов, которые он сказал. «Я другой, Анна. Я не хочу, чтобы ты потом жалела».

Что он имел в виду? И почему его голос звучал так, будто он только что оттолкнул единственное, что могло его спасти?

Она медленно прошла в свою спальню, закрыла дверь и прижалась спиной к стене. Сердце колотилось, внизу живота тянуло сладкой болью неудовлетворенного желания. Он хотел её — она чувствовала это каждой клеткой. Но что-то останавливало его. Какой-то секрет. Какая-то темная тайна, которую он не решался раскрыть.

Анна приняла душ, переделась в шелковую пижаму и легла в холодную постель. Сон не шел. Она ворочалась, прислушиваясь к звукам за стеной. Шаги. Скрип кровати. Тишина. Он тоже не спал — она знала это по какому-то внутреннему, почти животному чутью.

Где-то вдалеке пробили часы — два, три. Женева спала, озеро дышало туманом, а два человека в президентском люксе лежали без сна, разделенные тонкой стеной и пропастью невысказанных слов.

Перед рассветом Анна всё-таки провалилась в тревожную полудрему. Ей снились чьи-то стальные глаза и наручники из красного бархата — непонятный, будоражащий сон, смысл которого ей только предстояло узнать.

Глава 3. Трещина в броне

Сна не было.

Анна лежала на спине, глядя в потолок, и считала минуты по ударам сердца. Белоснежные простыни сбились в ногах, подушка нагрелась, и каждый вдох отдавался в груди глухим эхом. За окнами спала Женева, озеро дышало туманом, и только луна — равнодушная, круглая, как золотая монета, — висела над альпийскими вершинами, заливая террасу призрачным светом.

Губы всё еще горели.

Она коснулась их кончиками пальцев — осторожно, словно трогала чужое воспоминание. Поцелуй был час назад, может, два, но вкус Даниила до сих пор стоял во рту: терпкий, как дорогое вино, смешанный с солью её собственного желания. Его руки, которые держали её так крепко, будто она могла в любой момент исчезнуть. Его запах — древесный, пряный, обволакивающий. И слова, которые разрезали ночь, как скальпель:

«Ты не знаешь, во что ввязываешься».

Что это значило? Что он скрывал? И почему остановился, когда она была готова отдаться ему полностью — здесь, на террасе над Женевским озером, под луной августовской ночи?

Анна перевернулась на бок и уткнулась в стену, отделявшую её спальню от его. Гипсокартон, деревянные панели, тканевые обои — тонкая преграда, которая сейчас казалась крепостной стеной. Она слышала, как он ходит. Шаги были тяжелыми, размеренными — он не ложился. Остановились. Снова шаги. Тишина.

Потом — звук воды. Душ. Анна закрыла глаза и тут же увидела его: обнаженного, под струями горячей воды, с напряженными мышцами спины, с лицом, на котором борется желание и что-то еще, что-то темное. Её тело отреагировало мгновенно — низ живота скрутило спазмом, бедра сжались, кожа покрылась мурашками. Господи, она хотела его так, как никогда никого не хотела. Хотела до боли. До дрожи.

«Я не могу дать тебе обычных отношений... Я другой».

Другой. Что это значит? Болен? Связан обязательствами? Влюблен в другую женщину? Но Анна помнила его взгляд. В нем не было холода. В нем был голод — такой же острый, как её собственный. Он хотел её. Хотел так же сильно, как она его. И всё же остановился.

Она отбросила одеяло и села на кровати. За окнами — терраса, залитая лунным светом. Тишина. Только где-то вдалеке, на набережной, приглушенно шумел поздний транспорт, да ветер шелестел листвой в кадках с декоративными деревьями.

Вода в душе затихла. Анна замерла, прислушиваясь. Шаги. Тишина. Снова шаги. И вдруг — скрип двери. Не его спальни. Двери, ведущей из его комнаты в гостиную.

Она затаила дыхание.

Он вышел. Сейчас он там — в гостиной, один, в темноте. Что он делает? Смотрит на озеро? Думает о ней? Или о том, от чего бежал?

Анна не знала, сколько времени прошло. Может быть, десять минут. Может быть, полчаса. Но в какой-то момент её ноги сами спустились с кровати, пальцы нащупали шелковый халат, и она — бесшумно, как тень, — выскользнула из спальни.

Гостиная тонула в полумраке. Ночники были выключены, и только луна заливала комнату холодным серебром. Стеклопанельная дверь на террасу была приоткрыта, и оттуда тянуло свежестью, озерной водой и — едва уловимо — дымом.

Даниил стоял у перил террасы спиной к ней. Он был босой, в одних темных брюках, без рубашки. Свет луны обрисовывал его силуэт: широкие плечи, сужающуюся к талии спину, рельеф мышц, которые перекачивались при каждом движении. Анна замерла в дверях, не смея дышать. Она никогда не видела его таким — без брони дорогих костюмов, без маски ледяного миллиардера. Просто мужчина. Один. В ночи.

Его правая рука была поднята к лицу — он курил. Анна не знала, что он курит. Может быть, это был стресс. Может быть — способ успокоить нервы после того, что случилось между ними.

Она не должна была выходить. Должна была остаться в своей спальне, сделать вид, что ничего не случилось, и утром вернуться к роли идеального секретаря. Но что-то внутри неё сломалось. Что-то, что больше не могло притворяться.

Она сделала шаг — и половица предательски скрипнула.

Даниил обернулся. Его лицо было скрыто тенью, но она видела, как вспыхнули его глаза — два уголька в лунном свете. Он выдохнул облачко дыма.

— Ты должна спать, Анна.

Голос низкий, хриловатый. Без привычного металла.

— Не могу, — ответила она. Её собственный голос был тихим и чужим.

— Иди спать. Завтра тяжелый день.

— Мне всё равно.

Она шагнула вперед, на террасу. Холодный воздух коснулся её разгоряченной кожи, заставил вздрогнуть. Или это было не от холода. Даниил проследил за ней взглядом, не двигаясь с места.

— Анна, — начал он, и в этом слове было предупреждение.

— Нет. — Она покачала головой и остановилась в двух шагах от него. — Не говорите мне «иди спать». Не сейчас. Я хочу знать правду.

— Какую правду?

— Почему вы остановились? Почему вы оттолкнули меня, когда... — голос сорвался, но она заставила себя договорить, — когда было очевидно, что мы оба хотим этого.

Даниил медленно затушил сигарету о каменные перила и отбросил окуроч в пепельницу. Движения были плавными, контролируруемыми, но Анна видела, как напряжены мышцы его рук.

— Ты хочешь меня, — сказал он тихо, и это был не вопрос. — Я вижу это. Чувствую. И да, я тоже хочу тебя. Но есть разница между «хотеть» и «быть готовым к последствиям».

— Какие последствия? О чем вы говорите?

Он молчал. Ветер трепал его волосы, и в этом освещении, с тенями на лице, он казался древней статуей — прекрасной и пугающей одновременно.

— Я не обычный мужчина, Анна, — произнес он наконец. — И мои желания... они не такие, как у других. Я не могу предложить тебе цветы, конфеты, прогулки под луной и нежный секс при свечах. Этого во мне нет. И никогда не было.

— А что есть?

Она задала этот вопрос и замерла, потому что чувствовала: ответ изменит всё.

Даниил отвернулся к озеру. Профиль — жесткий, острый, с крепко сжатой челюстью. Когда он заговорил, голос был глухим, словно он признавался самому себе:

— Контроль. Власть. Игры, в которых одна сторона подчиняется другой. В которых боль и удовольствие идут рука об руку. В которых доверие — это не просто слово, а вопрос жизни и смерти.

Анна моргнула. Слова доходили медленно, как эхо с гор.

— Я не понимаю...

— Понимаешь, — он повернулся к ней, и в его глазах полыхнуло что-то острое и опасное. — Ты умная женщина. Ты работаешь со мной год. Ты знаешь, что я всегда контролирую всё — бизнес, переговоры, людей. Так вот, это... — он сделал паузу, — это та же потребность в контроле. Только в самой интимной сфере. Понимаешь?

Анна сглотнула. Ком в горле стал плотным и колючим. Она не была наивной. Она знала, что существует такой мир — БДСМ, доминирование и подчинение, игры с властью и болью. Но одно дело — читать о чем-то в интернете, и совсем другое — слышать это от мужчины, в которого она была влюблена целый год.

— Ты шокирована, — констатировал он холодно. — Я предупреждал. Именно поэтому я остановился. Потому что ты заслуживаешь того, кто подарит тебе нормальную жизнь, а не...

— А вы? — перебила она. — Вы когда-нибудь думали, что, может быть, я не хочу «нормальной жизни»? Что, может быть, я хочу именно вас? Со всем, что в вас есть?

Даниил замер. Что-то дрогнуло в его лице — на долю секунды, — но Анна успела заметить. Удивление. И, может быть, надежда.

— Ты не понимаешь, о чем просишь, — сказал он.

— Так объясните.

Он шагнул к ней — резко, хищно. Расстояние между ними сократилось до сантиметров. Анна запрокинула голову, чтобы встретить его взгляд, и сердце забилося где-то в горле.

— Ты хочешь знать, что это такое? — его голос упал до шепота, обволакивающего и опасного. — Это когда я говорю тебе, что делать, и ты делаешь. Когда я решаю, как быстро ты дышишь, как громко ты стонешь и когда тебе можно получить удовольствие. Это когда ты отдаешь мне всю себя — добровольно, осознанно, без остатка. И я забочусь о тебе, защищаю тебя, но — на моих условиях. Это те отношения, которые ты хочешь?

Анна задрожала. Но не от страха. От чего-то совсем другого — от того, как глубоко его слова проникали в неё, от того, как тело реагировало на его близость, на его голос, на власть, которая исходила от него волнами.

— Я... я не знаю, — прошептала она.

— Вот именно. Не знаешь. И именно поэтому я остановился. Потому что я не хочу, чтобы ты согласилась, не понимая, на что идешь. Я не хочу тебя сломать.

Он произнес последнюю фразу почти мягко, и это было еще страшнее, чем его жесткость. Забота. Она прозвучала в его голосе — настоящая, глубокая, скрытая под слоями льда.

— Вы... вы заботитесь обо мне, — выдохнула Анна.

Даниил поднял руку и медленно, почти нерешительно коснулся её щеки. Пальцы были теплыми, чуть шершавыми. Анна прикрыла глаза и подалась навстречу этому прикосновению, как кошка, ищущая ласки.

— Да, — сказал он тихо. — Забочусь. Поэтому не могу позволить себе просто взять тебя. Ты заслуживаешь большего, чем моя темная сторона.

— А если я захочу её? — прошептала она, не открывая глаз.

Он убрал руку. Холод ночи коснулся кожи там, где только что было его тепло. Анна открыла глаза: Даниил стоял в шаге от неё, и лицо его снова стало закрытым, как дверь сейфа.

— Иди спать, Анна. Если завтра, при дневном свете, ты всё еще захочешь этого разговора — мы его продолжим. Но сейчас... сейчас я не могу находиться рядом с тобой.

— Почему?

— Потому что мой самоконтроль не бесконечен.

Он развернулся и ушел в гостиную. Анна осталась на террасе одна — дрожащая, растерянная, с головой, полной мыслей, и телом, полным неутоленного желания. Она смотрела ему вслед, пока его силуэт не растворился в темноте люкса, пока не хлопнула дверь его спальни.

И снова — тишина. Только озеро, луна и её разбитое сердце.

Она не знала, сколько простояла так. Ноги замерзли, пальцы онемели, но сознание работало лихорадочно. БДСМ. Доминирование. Подчинение. Слова, которые она слышала раньше лишь краем уха, теперь обрели лицо — его лицо. Лицо мужчины, которого она любила. И самое странное, самое пугающее заключалось в том, что услышанное не вызывало у неё отторжения.

Она вспомнила, как он командовал переговорами, как подавлял оппонентов одним взглядом, как возникала вокруг него аура непререкаемой власти. Это всегда восхищало её. Привлекало. Заставляло трепетать. И теперь он говорил, что в постели он такой же. Что он будет контролировать, приказывать, доминировать. Что ей придется подчиняться. Добровольно. Осознанно. Полностью.

И от этой мысли — стыдно признаться — у неё подогнулись колени.

Анна прижала ладони к пылающим щекам. Что с ней такое? Почему перспектива отдать контроль не пугает, а... возбуждает? Она всегда была самостоятельной, независимой, сама строила свою жизнь. Но рядом с Даниилом ей хотелось раствориться, подчиниться, принадлежать. И она понятия не имела, что с этим делать.

Она вернулась в свою спальню, плотно закрыла дверь и села на кровать. Сна по-прежнему не было. В голове крутились его слова: «Если завтра, при дневном свете, ты всё еще захочешь этого разговора — мы его продолжим». Завтра. При дневном свете.

Но что изменится при свете дня? Её чувства не исчезнут. Её любопытство — и, да, желание — никуда не денутся. Она хотела знать. Хотела понять. Хотела его — всего, без остатка, даже с его темной стороной.

Особенно с ней.

Она легла и накрылась одеялом до подбородка. Мысли метались, как птицы в клетке. Где-то за стеной, в своей спальне, Даниил тоже не спал — она слышала его шаги, тяжелые, мерные.

Он ходил из угла в угол, как зверь в вольере. Может быть, тоже думал о ней. Может быть, жалел, что рассказал. А может быть, наоборот — радовался, что наконец-то сказал правду.

Часы на стене показывали три ночи. Потом четыре.

Где-то перед рассветом, когда небо над озером начало светлеть, Анна наконец провалилась в беспокойную полудрему. Ей снился странный, тревожный сон: она стояла посреди огромного пустого зала, обитого красным бархатом, а Даниил шел к ней медленно, неотвратимо, и в руках у него был тонкий кожаный шнурок. И вместо того чтобы бежать, она протянула к нему руки...

Утро ворвалось в окна безжалостным солнечным светом. Анна открыла глаза, чувствуя себя разбитой и одновременно странно легкой. Как будто после исповеди — чужой исповеди. Она села на кровати, потянулась, и вчерашний разговор обрушился на неё лавиной воспоминаний. Щеки снова запылали.

Она взглянула на часы — семь утра. Через час Даниилу нужно быть на финальном раунде переговоров. Она должна быть готова. Работа — её спасательный круг.

Анна быстро приняла душ, надела строгий костюм, собрала волосы в тугой пучок. В зеркале отразилась прежняя Анна Соболева — идеальный личный помощник. Но в глазах появилось что-то новое. Что-то, чего не было раньше. Знание.

Когда она вышла в гостиную, Даниила уже не было. На столике у дивана лежала записка, написанная его твердым, наклонным почерком: «Уехал на переговоры один. Вернусь к шести вечера. Жди меня здесь. Д. Ш.»

Она перечитала записку три раза. «Жди меня здесь». Он не взял её на переговоры — впервые за эту поездку. Значит, вчерашний разговор действительно всё изменил. Он давал ей пространство. Время подумать. И одновременно — оставлял её в своем люксе, в своем пространстве. А ключ от люкса... да, он лежал на столике рядом с запиской. Ключ-карта с золотым тиснением.

Анна сжала её в ладони. Он доверял ей свой номер. Доверял ей.

Она не знала, чем займет себя до вечера — одиннадцать часов в чужом городе, одна в люксе мужчины, который перевернул её мир. Можно было пойти гулять по Женеве, выпить кофе на набережной, развеяться. Но вместо этого она осталась в люксе.

Из любопытства? Из желания быть ближе к нему? Или потому что чувствовала: между ними осталось что-то недосказанное, и ответы могут быть совсем рядом?

Она бродила по гостиной, касалась вещей Даниила: кожаный портфель, оставленный на диване; серебряная запонка, забытая на кофейном столике; темно-синий галстук, перекинутый через спинку кресла. Спальня его была закрыта — но гостиная, его временная территория, говорила о нем больше, чем он мог бы рассказать сам. Порядок. Минимализм. Ничего лишнего.

Кроме одного предмета.

Она заметила его случайно, когда собиралась включить кофемашину. На полу, у дивана, лежал небольшой кейс из черной кожи, который она раньше не видела. Он был приоткрыт — видимо, Даниил второпях забыл закрыть его перед отъездом. Анна хотела просто защелкнуть замок и убрать кейс на место, но её рука замерла.

Любопытство — вот что погубило её. Чистое, жгучее любопытство. Она опустила на колени перед кейсом и откинула крышку.

И замерла.

Внутри, на черном бархате, лежали предметы, которые она не сразу смогла идентифицировать. Два браслета из мягкой черной кожи, соединенных цепочкой — слишком изящные для обычных наручников. Широкая полоса плотного шелка — очевидно, маска для глаз. Тонкий, свитый из красного шнура аксессуар, похожий на браслет, но слишком длинный и странной формы. И еще один предмет, стальной, полированный, с замысловатой рукоятью, назначение

которого Анна не поняла — только смутно догадалась, и от этой догадки кровь бросилась в лицо.

Она держала в руках содержимое чужой тайны. Той самой, о которой он говорил ночью. Игрушки. Инструменты. Весь его «другой мир», аккуратно уложенный на бархатной подстилке.

Руки дрожали. Она хотела закрыть кейс, но пальцы не слушались. Она просто смотрела на эти предметы, пытаясь совместить их с образом Даниила Шторма — миллиардера, бизнесмена, самого холодного человека из всех, кого она знала. И вдруг это совместилось. Его власть, его контроль, его самообладание — всё это было продолжением того, что лежало сейчас перед ней.

— Ты не знаешь, во что ввязываешься, — прошептала она его слова, как молитву.

И тогда она снова услышала то, от чего похолодела спина: звук открывающейся двери. Не из коридора. Из его спальни.

Анна резко обернулась, всё еще сжимая в руке шелковую маску.

В дверях спальни стоял Даниил. Он не уехал. Он был здесь всё это время. В одних брюках для гольфа и белой футболке, босой, с полотенцем в руке — видимо, только что принимал душ в своей ванной. И он смотрел на неё. На кейс. На маску в её пальцах.

Его лицо было непроницаемым, но глаза... глаза горели холодным пламенем. Гнев? Стыд? Страх? Всё вместе, смешанное в одном взгляде.

— Ты хотела знать, во что ты ввязываешься? — произнес он глухо. — Смотри. Это мой мир.

Анна открыла рот, но не смогла произнести ни звука. Маска выпала из её пальцев и беззвучно упала обратно в кейс.

Глава 4. Красная комната

Тишина звенела.

Анна стояла на коленях перед раскрытым кейсом, и шелковая маска всё еще лежала у её пальцев. Она не могла пошевелиться. Не могла отвести взгляд от Даниила, застывшего в дверях спальни. Он был здесь. Всё это время. Он никуда не уезжал.

— Ты... ты был здесь, — выдохнула она.

— Да.

Одно слово. Тяжелое, как камень, брошенный в воду. Его глаза скользнули по кейсу, по её лицу, по маске, которую она всё еще не положила обратно. Лицо Даниила было непроницаемым, но желваки на скулах ходили ходуном. Ярость? Стыд? Облегчение? Анна не могла прочитать.

Он шагнул ближе — медленно, неотвратимо, как надвигающаяся гроза. Полотенце, которое он держал в руках, упало на пол. Босые ступни бесшумно ступали по паркету.

— Я оставил записку, чтобы дать тебе пространство, — произнес он низким, вибрирующим голосом. — Я думал, что ты пойдешь гулять. Уедешь в город. Я думал, что ты не станешь...

— Рыться в ваших вещах? — закончила Анна, и голос её предательски дрогнул. — Я не рылась. Кейс был открыт. Я хотела просто закрыть его. Но я увидела...

— Ты увидела то, что не должна была видеть.

Он остановился прямо перед ней — возвышаясь, заслоняя свет из окон. Анна запрокинула голову, чтобы встретить его взгляд. В этой позе она чувствовала себя бесконечно уязвимой: на коленях, у ног разгневанного мужчины. Но страха не было. Было что-то другое — острое, звенящее, похожее на электрический ток перед ударом молнии.

— Это то, о чем вы говорили ночью, — сказала она тихо. — Ваш мир.

— Да.

— И записка... она была ложью? Вы хотели проверить меня?

Даниил наклонился и поднял с пола красный шелковый шнурок, выпавший из кейса. Его пальцы — длинные, тонкие — медленно обвили шнурок, натягивая его.

— Нет, — ответил он, глядя не на неё, а на шнурок в своих руках. — Записка не была ложью. Я действительно планировал уехать на встречу. Но когда я вышел из душа и понял, что оставил кейс здесь... — он сделал паузу, — я решил остаться.

— Почему?

— Потому что я устал прятаться.

Эти слова повисли в воздухе — тяжелые, пропитанные смыслом, который Анна только начинала понимать. Он устал прятаться. Год она работала с ним, и год он носил эту тайну за пазухой — может быть, не только от неё, но и от всего мира. Дата-центры, заводы, миллиардные контракты — фасад. А внутри — этот кейс, красный шелк и желания, которые он никогда никому не доверял.

Он опустился на корточки рядом с ней. Их лица оказались почти на одном уровне. Близко — слишком близко. Анна чувствовала тепло его тела, запах мыла и кожи, жар его дыхания.

— Ты хотела знать правду, — сказал он, глядя ей прямо в глаза. — Вот она. Это не просто секс, Анна. Это стиль жизни. Я ищу не любовницу. Я ищу сабмиссив — женщину, которая по собственной воле доверит мне контроль над своим телом, над своим удовольствием, над собой. Это не имеет ничего общего с насилием. Это — танец. Где один ведет, а другой следует. Где доверие абсолютно, а ответственность лежит на мне. Ты понимаешь, о чем я?

Анна медленно кивнула. Слова доходили до неё, как сквозь толщу воды — приглушенные, но ясные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.